

ZINAIDA PAKHOLOK

Lutsk Human Development Institute of the Open
International University “Ukraine”

ORCID id: orcid.org/0000-0002-8911-5909

Fields of research: philology, philosophy, psychology,
cultural science, country study.

DOI: doi.org/10.35321/all86-03

UKRAINIAN FORMATION IN SCIENTIFIC HERITAGE OF MIKOŁAJ KRUSZEWSKI

Ukrainiečių kalbos formavimasis Mikolajaus
Kruševskio moksliniame palikime

ANNOTATION

The article for the first time examines the Ukrainian works in the scientific heritage of Mikołaj Kruszewski, who was born in a Polish-German family, spent his childhood and adolescence in Ukraine, received primary education and was influenced by the Ukrainian ethnos, which did not have the status of statehood at that time. Ukrainians could not freely develop their language, culture and science, teach children in their native language. The disputable question was whether the Ukrainian language is independent or it is a dialect of the Russian language. Without engaging in polemics, Kruszewski used the Ukrainian beliefs that he recorded in Volyn in the work “Spelis as a form of Russian folk poetry”, as well as the Ukrainian vocabulary to compare with other Indo-European languages in research “On “analogy” and “folk etymology” (“Volksetymologie””, “On the question of the guna. A study in the domain of Old Slavic vocalism”, “Üeber die Lautabwechslung”, “An Outline of Linguistic Science”.

KEYWORDS: Mikołaj Kruszewski, Volyn, latter half of the 19th century, the Ukrainian language, folklore, comparative linguistics.

ANOTACIJA

Šiame straipsnyje pirmą kartą analizuojami ukrainiečių kalbai skirti darbai, kurie sudaro Mikolajaus Kruševskio mokslinį palikimą. Lenko ir vokietės šeimoje gimęs Mikolajus

Kruševskis vaikystę ir paauglystę praleido Ukrainoje, kur įgijo pradinį išsilavinimą. Ukrainiečių etninė grupė, tuo metu neturėjusi savo valstybingumo, jam padarė didelę įtaką. Ukrainiečiai negalėjo laisvai plėtoti savo kalbos, kultūros ir mokslo ir mokyti vaikų savo gimtąja kalba. Diskutuota, ar ukrainiečių kalba yra nepriklausoma kalba, ar rusų kalbos tarmė. Nesiveldamas į polemiką, savo darbe *Užkalbėjimai kaip rusų liaudies poezijos forma* M. Kruševskis rėmėsi Voluinėje surinktais ukrainiečių tikėjimais, o taip pat ukrainiečių kalbos žodynu, kurį lygino su kitomis indoeuropiečių kalbomis savo darbuose *Apie analogiją, Liaudies etimologija, Gunos klausimu: Senųjų slavų vokalizmo tyrinėjimai, Apie garsų kaitą, Kalbotyros apybraiža*.

ESMINIAI ŽODŽIAI: Mikolajus Kruševskis, Voluinė, XIX a. II pusė, ukrainiečių kalba, folkloras, lyginamoji kalbotyra.

1. ВВЕДЕНИЕ

Современная лингвистика, продуцируя новые идеи, использует наследие представителей лингвистической науки, не утратившее своей ценности в глобализованном мире. К таким ученым относится Н. В. Крушевский¹, который, по меткому определению И. А. Бодуэна де Куртенэ, «принадлежал к лингвистам–“философам”, т. е. к лингвистам, стремящимся к обобщениям, стремящимся к открытию и формулировке общих законов языковой жизни. Фактический материал также давали ему ариоевропейские языки, [...] он обладал необыкновенной способностью использовать фактические сведения для своих научных обобщений» (Бодуэн де Куртенэ 1963: 146)².

Именно И. А. Бодуэн де Куртенэ впервые осмыслил значение Н. В. Крушевского для науки (Бодуэн де Куртенэ 1888; 1889). Затем Ф. Ф. Зелинский обратил внимание на студенческую работу будущего лингвиста (Зелинский 1897); В. А. Богородицкий описал его членство в Казанской лингвистической школе (Богородицкий 1939); М. В. Черепанов проанализировал вопросы фонетики (Черепанов 1958); Р. Якобсон охарактеризовал роль ученого в развитии фонологии (Jakobson 1960) и общего языкознания (Jakobson 1965). Автор монографического исследования Д. Радваньска-Уильямс исследовала лингвистическую теорию Н. В. Крушевского (Radwańska Williams 1993). Кроме названных

¹ В статье используются традиционные для русской науки имена и отчества двух исследователей: Николай Вячеславович Крушевский и Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ.

² Здесь цитируется русскоязычный перевод статьи И. А. Бодуэна де Куртенэ (Boudouin de Courtenay 1888; 1889).

первопроходцев в изучении идей Н. В. Крушевского, существует большая энциклопедическая, справочная, учебная и научная литература, посвященная этой выдающейся личности (Миколай Крушевський 2005).

Изучая страницы короткой биографии Н. В. Крушевского, опубликовав эпистолярный (Пахолук 1999; 2000), переведя на украинский язык первое сочинение (Крушевський 2002), переиздав переводы гимнов Ригведы (Крушевський 2004), составив биобиблиографический указатель (Миколай Крушевський 2005), популяризируя его творческое наследие (Пахолук 2019), мы обратили внимание на неизученный лингвистами, историками и культурологами украинский контент.

Актуальность темы данного исследования состоит в раскрытии еще одной грани масштабности принципов ученого, который использовал примеры в то время негосударственного украинского языка, доказывая его принадлежность к индоевропейской языковой семье.

Цель статьи: исследовать украинский пласт в научной деятельности Н. В. Крушевского. Для этого необходимо решить такие задачи: на основе архивных и печатных источников раскрыть причину появления украинского контента у Н. В. Крушевского, описать отражение интереса к украинскому языку и культуре в его работах.

Научная новизна исследования заключается в постановке и решении проблемы, свидетельствующей о том, что русский язык и культура были не единственной жизненной средой и системой координат для Н. В. Крушевского, за которым закрепился статус представителя русской науки.

2. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

С целью достоверности проводимого исследования был избран триангуляционный подход, подразумевающий взгляд с разных точек зрения на проблему появления и использования украинского материала в научной деятельности Н. В. Крушевского.

Изначально внимание было сосредоточено на биографическом аспекте. Проводился отбор информации в печатных и архивных источниках, изучались официальные документы. Затем с помощью метода биографического анализа воссоздавался образ жизни, среда обитания, реконструировались жизненные ситуации и наиболее значимые временные периоды.

Тесно связан с биографическим аспектом социальный, поскольку личность всегда взаимодействует с людьми и рефлексировать на общественные явления. Исторический метод, который отобразил

социально-историческую ситуацию и причинно-следственные политические связи, оказался основным на втором этапе работы.

Приступая к изучению научного аспекта практической деятельности лингвиста, мы осознавали, что в ней реализовалось личное и общественное, поэтому использовали методы и приемы познания: анализ и синтез, аналогию, обобщение и описание.

Эффективность методологической триангуляции состоит в четком определении рассматриваемого вопроса; поэтапности исследования; комплексности системы, при которой каждая часть может дополнять друг друга, но не может существовать в отдельности.

3. ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ УКРАИНСКОГО КОНТЕНТА

Биографический аспект. Происхождение лингвиста связано с древним польским родом Крушевских, восходящим к XV столетию, часть представителей которого издавна жила на Волыни.

Отец Н. В. Крушевского, Вацлав Крушевский (1808–1878), дворянин герба Абданк, родился в Заславе на Волыни, теперь город называется Изяслав. Став военным, принимал участие в Польском восстании 1831 года, после чего был отправлен в ссылку в Казань. Уволился со службы в чине ротмистра. Его гражданская карьера состоялась на должности городничего в Остроге, Овруче, Луцке и Ковеле. В семье Вацлава Крушевского всегда жила память о повстанческих традициях и царил патриотическая атмосфера.

Мать, Н. В. Крушевского, Розалия Ноткен (1833–1899), родилась в Киеве и принадлежала к немецкому купеческому сословию, имела родовое имение в селе Солотвин Ковельского уезда Волынской губернии (Пахолук 2002: VIII–IX).

Николай Крушевский появился на свет 6(18) декабря 1851 года в Луцке и был окрещен в Луцкой кафедральной римо-католической церкви – костеле Св. Петра и Павла. Имя для своего первенца родители выбрали по церковному календарю и связали с городом, который еще с XII столетия был под патронатом Святого Миколая.

Детство Н. В. Крушевского прошло в Луцке, Ковеле и Солотвине, как писал его современник Ю. И. Крашевский, «на нашей веселой и плодородной Волыни, которая, одетая в зеленые рощи и позолоченные поля, исполосованная реками и голубыми ручьями, греется спокойно на солнце, не заботясь о своем завтрашнем дне, вырубая зеленые рощи, рассыпая

золотые зерна своих полей и позволяя рекам своим и прудам зарастать» (Kruszewski 1978: 153).

Известно, что существует связь личности с местом ее проживания. Эта связь «загадочна, но очевидна. Или так, несомненна, но таинственна. Ведает ею известный древним *genius loci*, гений места, который связывает интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой. Для человека нового времени главные точки приложения и проявления культурных сил – города. Их облик определяется гением места, и представление об этом – сугубо субъективно» (Вайль 2008: 9). Согласно римской мифологии у каждого мужчины существовал свой гений, или дух-хранитель. Можно предположить, что место рождения определило судьбу Н. В. Крушевского. Его становление проходило в пореформенное время стремительных социально-экономических изменений, которые отразились на облике Луцка с появлением новых торговых и общественных учреждений, зданий банков, акционерных обществ, учебных заведений.

Несмотря на новые тенденции развития, достопримечательностью города по-прежнему оставался замок Любарта – свидетельство того, что в 1320 году Луцк вошел в состав Великого княжества Литовского. Этот факт Николай знал потому, что в 1862 году поступил в первый класс Луцкого уездного дворянского училища. Оно находилось рядом с замком Любарта. Не исключено, что древнее архитектурное сооружение пробудило у Николая интерес к истории.

Отец Н. В. Крушевского был поляком, а мама – немкой, в семье говорили на трех языках: по-польски, по-немецки, по-русски. Не кто иной, как родители поспособствовали языковой подготовке будущего лингвиста, продолженной в училище при изучении русского, французского, немецкого, латинского языков. Большое значение для обучения и развития учеников имела фундаментальная училищная библиотека, в которой преобладали книги на польском и латинском языках: религиозные, философские, по истории, географии, механике, математике, живописи, а также описания городов, биографии знаменитых художников и беллетристика.

Весь период обучения в училище Николай Крушевский жил на квартире в Луцке, а на каникулах возвращался домой в Солотвин, поскольку его отец в 1861 году ушел в отставку и вся семья переехала из Ковеля в эту деревню.

На Волини Николай прожил безвыездно до 1866 года, момента поступления в Холмскую греко-униатскую гимназию, а затем через пять лет стал студентом историко-филологического факультета Варшавского университета. После окончания учебы выпускник занял место учителя древних языков в Троицкой гимназии Оренбургской губернии и только с 1878 года он переехал в Казань.

Климат Казани не подошел ни Н. В. Крушевскому, ни его семье. Об этом свидетельствуют письма, адресованные бывшему преподавателю Варшавского университета И. В. Цветаеву: 29 апреля 1879 года «Считаю дни и часы, чтобы скорее уехать из Казани: ужасно устал и всю весну нездоровится»; 9 марта 1881 года «Летом хочу съездить с семьей на родину, несмотря на то, что с маленькими детьми не особенно удобно вести кочевой образ жизни»; 5 мая 1881 года «Нет ли у Вас в Киевском совете таких приятелей, которым Вы бы меня могли рекомендовать, в случае если бы я, получив степень магистра [диспут будет 17 мая], стал искать доцентуры в Киеве? Я и моя семья столько уже вынесли от здешнего климата и так тянет ближе к родине, что перейти в Киев – верх моих мечтаний [...]. В конце мая или в начале июня я намерен с семьей отправиться на родину...»; 5 февраля 1884 года «В нынешнем году даже не придется отдохнуть: жду увеличения семейства и потому не могу со всей семьей ехать в деревню на лето. Думаю съездить один недели на две» (Пахолук 1999: 167, 170, 175).

В Казани наставником и другом Н. В. Крушевского стал И. А. Бодуэн де Куртенэ, сообщавший 7(19) мая 1881 года в письме к А. А. Котляревскому: «...он слабого здоровья и Казанский климат для него очень вреден. Поэтому он и хотел бы перейти в какой-нибудь другой университетский город, в особенности из южных. Его заветную мечту составляет возможность служить в Киеве, городе, самом близком от его родины (Волынской губернии). Он, правда, разделяет со мною первородный грех «полонизма»; но вместе с тем разделяет со мною свойство держаться вдали от всякой политики, и кроме того имеет следующие преимущества передо мною: 1) он отчасти малорос (уроженец Волынской губернии) и любит эту страну, как родную...» (Бодуэн де Куртенэ 1881а: 4 об.).

Социальный аспект. Н. В. Крушевский по происхождению и научной деятельности считается польским и русским лингвистом. Но он родился и формировался на территории Украины, не имевшей в то время статуса государственности. Украинские земли оказались в составе двух империй – Российской и Австрийской.

В Российскую империю входила многонациональная Волынь. Основное население составляли украинцы, рядом с ними проживали евреи, русские, поляки, немцы, чехи, болгары, караимы. Однако коренной этнос селился не в городах, а преимущественно в сельской местности. Одной из причин такого расселения была русификаторская политика царского правительства, которая строилась на вытеснении польского дворянства русским и активностью русского купечества, пользовавшегося государственной поддержкой. В городских учреждениях деловодство велось на русском языке. Православная церковь была русскоязычной (Прищепа 2010: 79–80).

Ситуация с функционированием украинского языка и культурой находилась под неусыпным контролем правительства, работающим над их уничтожением. Чтобы обрисовать картину украинофобии второй половины XIX века, приведем наиболее яркие примеры.

Так, в 1857 году появилась инструкция для попечителей Киевского и Виленского учебных округов о том, чтобы учителями истории в гимназиях и уездных училищах были исключительно русские. 21 июня 1863 года редактор влиятельной газеты «Московские ведомости» М. Н. Катков писал: «Украина никогда не имела особой истории, никогда не была особым государством, украинский народ есть чистый русский народ, коренной русский народ, существенная часть русского народа, без которой он не может оставаться тем что́ он есть [...]. Малороссийского языка никогда не было, и несмотря на все усилия украинофилов, до сих пор не существует» (Катков 1863: 328).

Антиукраинская реакция завершилась Валуевским циркуляром, предписанием Министра внутренних дел Российской империи П. А. Валуева от 18(30) июля 1863 года о приостановлении печатания на украинском языке литературы религиозной, учебной и предназначенной для начального чтения. Цензурой разрешались только произведения изящной словесности. В следующем 1864 году 14 июля был принят Устав начальной школы, предусматривавший обучение исключительно на русском языке. В 1869 году появился закон о доплатах чиновникам, присланным в Украину для обрусения местного населения. Продолжением дискриминационной политики стал Эмский указ, подписанный императором Александром II, 18(30) мая 1876 года в германском городе Бад-Эмс. Указ запрещал преподавание, ведение документов, использование в музыке и церкви во время проповедей украинского языка, печать и ввоз из-за границы книг, напечатанных на украинском языке, постановку украиноязычных театральных представлений и концертов на территории Российской империи. Этот унижительный указ не был отменен, но перестал действовать после Первой русской революции 1905–1907 годов (Лизанчук 2008: 11–13).

В перечисленных документах вместо украинский язык употребляется термин «малороссийское наречие», поскольку под ним в XIX веке понимали название совокупности восточнославянских говоров на большей части территории современной Украины. В русском языкознании была распространена концепция, согласно которой в XII веке «общерусский язык» разделился на три наречия: южное малорусское, среднее (белорусское и южно-великорусское) и северное (северное великорусское). Дискуссионной по отношению к восточнославянским языкам, кроме русского, являлась проблема номинации в определении языка или наречия, поэтому велись

ожесточенные споры со второй половины XIX века и до начала XX века. Многие филологи, в частности, С. К. Булич, выпускник Казанского университета, будучи Петербургским профессором, доказывал, что «На строго научной почве нельзя не отнести отрицательно к теории, провозглашающей малорусское наречие самостоятельным славянским языком» (Булич 1896: 485). Но еще тремя десятилетиями ранее известный историк М. И. Костомаров писал в защиту украинского языка: «...грань между тем, что назвать наречием и что языком, вы не поверите, господа; по одним и тем же признакам для вас – наречие, для нас – язык. Вы укажите на близкие с великорусским языком особенности; мы укажем на близкие с последним особенности в польском и спросим вас: почему же польский язык также не наречие?» (Костомаров 1990: 144).

Учитывая положение украинского языка во второй половине XIX века, становится понятным, что Н. В. Крушевский, родившись и проживая на Волыни, не мог изучить украинский язык, но он приобрел фоновые знания, слыша устную речь на улицах Луцка и Ковеля, на рыночной площади возле Луцкого уездного дворянского училища, в быту в деревне Солотвин.

Научный аспект заключается в использовании украинских материала в работах Н. В. Крушевского, который не вступил в полемические баталии с исследователями, а употреблял термины Малороссия, малороссийское и малорусское наречие и связанные с ними реалии.

Научное наследие лингвиста невелико, но разнообразно по тематике: исследования фольклора; лингвистических разделов, связанных с фонетикой, морфологией, словообразованием, этимологией; перевод гимнов Ригведы. Всего 15 трудов успел написать рано умерший ученый. В пяти из них он использовал не только фоновые знания, которые получил от носителей украинского языка, но и теоретические знания, приобретенные в Казани, поэтому остановимся на этом аспекте подробнее.

4. ОТРАЖЕНИЕ ИНТЕРЕСА К УКРАИНСКОМУ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ

Первое научное сочинение Н. В. Крушевского «Заговоры как вид русской народной поэзии» написано на последнем курсе Варшавского университета под руководством профессора М. А. Колосова. Этот молодой ученый был выпускником Харьковского университета, а его преподавателями – украинские филологи и просветители П. А. Лавровский и Н. А. Лавровский; основатель Харьковской лингвистической школы, славист и этнограф А. А. Потебня. Сфера интересов М. А. Колосова, сформированная такими

подвижниками, включала старославянский язык, древнерусский язык и литературу, русский народный язык и устное народное творчество, поэтическое искусство восточных славян. Следовательно, вопросы, связанные с украинским языком и фольклором, были ему не чуждыми. Предложенная Николаю Крушевскому тема для выпускного сочинения находилась в сфере интересов М. А. Колосова, считавшего, что «...мировоззрение, которое содержится в языке, для каждого народа свое особенное» (Колосов 1871: 244).

К написанию научной работы студент отнесся ответственно. В письме к бывшему преподавателю Варшавского университета И. В. Цветаеву 15(27) июня 1875 года он вспоминал: «Работая над кандидатской диссертацией, я познакомился с русской народной поэзией и вообще с народным эпосом и ним связанной лингвистикой» (Пахолок 1999: 163).

Крушевский стремился объяснить материал, собранный в книге «Великорусские заклинания» (Майков 1869). Анализируя 22-й заговор, пытался раскрыть природу первобытного мышления: «Вместе с пищей и питьем человек принимает в себя и любовь, болезнь и т. п. Мысль о возможности такого механического перехода качества одного предмета в другой, по отношению к болезням, была очевидно подкреплена наблюдением [...]. Совершенно однородно с этим малорусское средство, употребляемое девушками...» (Крушевский 1876: 36). Автор подкрепляет теоретический вывод примером, взятым из «Трудов этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край» (Труды 1872), где описано магическое действие, при котором необходимо было «...найти такой корень, из которого растут дуб и береза вместе, взять из первого и со второй по шепотке мху, положить на левую руку и сказать: “Щобы ты ся мене так тримав, як той дуб берези”, это повторяется три раза. Возвратившись домой, мох высушивают и, стеревши в порошок, дают выпить» (Крушевский 1876: 36–37).

В тексте исследования используются топонимы «Малороссия» и «Волынская губерния». Например, разбирая охотничьи заговоры, автор ссылается на только что вышедший «Сборник малороссийских заклинаний» (Ефименко 1874) и пишет: «волков в Малороссии называют “хортами св. Юрия”» (Крушевский 1876: 68).

В процессе подготовки кандидатской диссертации Крушевский нашел применение собственному материалу, собранному, очевидно, не позднее 1874 года в Солотвине, т. к. работа датирована 25 января 1875 года. Начинаящий исследователь включил три поверья в сочинение и при этом четко и последовательно указывал их атрибуцию: «Если продеть волос известного индивидуума сквозь голову жабы и зарыть ее в землю, то вместе с гниением волоса будет сохнуть и то лицо, с чьей головы он взят и наконец оно должно умереть. Поверье это записано мною в Волынской губернии»;

«Мною записано в Волынской губ. толкование сна: если рыба присниться женщине, то она забеременеет»; «В снах луна означает замужество. Такое толкование записано мною в Волынской губ.» (Крушевский 1876: 4, 35, 40–41).

Как ученый Н. В. Крушевский состоялся в Казани на протяжении восьми лет – с 1878 по 1886 годы. В этот период его наставником, коллегой и другом был И. А. Бодуэн де Куртенэ, уделявший внимание украинскому языку не только в работах «Несколько слов о сравнительной грамматике индоевропейских языков» (Бодуэн де Куртенэ 1881) и «Обозрение славянского языкового мира в связи с другими ариоевропейскими (индогерманскими) языками» (Baudouin de Courtenay 1884), но и на заседаниях кружка, получившего название Казанская лингвистическая школа, где изучение фонемы стало отправной точкой ее развития и оказало влияние не только на способ изучать проблемы звуков, но и в целом на лингвистическую методологию (Jakobson 1960: 1).

В первый год пребывания в Казанском университете в качестве профессорского сверхштатного стипендиата Н. В. Крушевский приступил к изучению фонетических и морфологических особенностей украинского языка, с этой целью перевел литовскую сказку «Кто сумеет лучше лгать?» на известный ему говор деревни Солотвин (Крушевский 1882: 33). Перевод и анализ остались ненапечатанными в рукописях ученого, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

С целью получения звания приват-доцента Н. В. Крушевский должен был представить научную работу и прочесть одну лекцию по собственному выбору, а другую – заданную факультетом. Для чтения он избрал тему, которую после проведения лекции оформил в виде статьи «Об “анalogии” и “народной этимологии” (“Volksetymologie”»)» и напечатал в журнале у своего первого научного руководителя М. А. Колосова (Крушевский 1879).

Развивая мысль о роли морфологической ассимиляции в систематизации морфологических элементов языка, Н. В. Крушевский привел пример польского слова *żarzewie* (рус. огнище, от *żar*), которое подобно словам с префиксом *za-* (*za-lesie*) изменилось в *zarzewie*. А далее указал: «Точно также объясняется и малорусское *залізо* вместо *желізо» (Крушевский 1879: 113), называя такую ассимиляцию префиксальной.

Рассматривая разные виды ассимиляции, автор обратил внимание на лексическую ассимиляцию и описал особый ее вид, ассонацию, при которой менее употребительные формы изменяемого слова ассимилируются к более употребительным. Среди польских, русских и одного чешского примеров Крушевский привел: «млрус. *вівтóрок* (ген. *вівтóрку*) вместо *втóрок*» (Крушевский 1879: 116).

На магистерском экзамене 10 апреля 1880 года испытуемый получил от И. А. Бодуэна де Куртенэ две письменные задачи по сравнительной грамматике индоевропейских языков и санскриту (Бодуэн де Куртенэ 1880). Первая задача содержала восемь заданий с условием представить в качестве доказательства по 5–10 слов из украинского рассказа О. Стороженка «Межигорский дед» (Стороженко 1863). Выполнение задания он начал с такой преамбулы: «Прежде всего замечу, что говоря о звуках и формах данного мне малорусского рассказа я имею в виду главным образом более известный мне волынский говор малорусского наречия (точнее говор д. Солотвин Волынской губ. Ковельского уезда)» (Крушевский 1880: 13). Затем анализировал слова разных частей речи из рассказа и делал выводы об отношении букв к звукам. Этот письменный ответ требовательный экзаменатор признал удовлетворительным.

В магистерской диссертации «К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма» Н. В. Крушевский проанализировал не только отражение индоевропейского вокализма в старославянском языке, но и установил взаимосвязь чередований с формообразованием и словообразованием. Его внимание было обращено к выявлению закономерностей, действующих в языке: «Если в какой-нибудь системе форм одни формы имеют звук *z*, а другие – *s*, то или первые ассимилируются (морфологически) последним, или последние первым.

Ср. спряжение пеку, могу в русск. литературном языке и народное

<i>n'ekú</i>	малорусское	<i>móжу</i>
<i>n'ek'óш</i>		<i>móжеш</i>
<i>n'ek'ót</i>		<i>móже</i>
<i>n'ek'óm</i>		<i>móжемо</i>
<i>n'ek'óте</i>		<i>móжете</i>
<i>n'ekút</i>		<i>móжут'</i> » (Крушевский 1881: 17).

Описывая знение корня *-строк-*, привел примеры из древнегреческого и санскрита, сравнивает по семантике со словом *о-ток*, а затем пишет: «К этому же корню относится, по справедливому замечанию Бодуэна де Куртенэ, и название реки *Stryj*» (Крушевский 1881: 72). Эта река находится на территории Украины. Название «Стрый» обозначает не только правый приток Днестра, но и город во Львовской области, первое письменное упоминание о нем относится к XIV веку.

16

Письменный ответ по графикам: графикам
орфоэпическим звукам

"Получил текст рукописи «Литовский язык» (Ужмерево
опубликован в «Словнике» Ко I (№ 1863, стр. 151-157),
1) На 5-10 словах этой рукописи некий отпечаток букв и букв
«б», «ж» и «з» обозначил буквы с помощью букв"

Принадлежит тому, что, говоря о буквах и формах буквы
или гласных различия, я знаю в том, что я видел образы буквы
и буквы «итя» «вопреки» по «малорусскому» (то есть) «букв
д. Соловья» «Литовский язык», «Ковальский язык».

Всего же я вижу, что, говоря о буквах, мне кажется
предположить, что, говоря о буквах, мне кажется
называть буквы «а» - «я» - знак буквы «я» и буквы «я»
знак (иногда) «я» - знак «я» и «я» с помощью букв.
используя букву «я».

«Литовский». К знаку «я» относятся сочетания «я» и «я»
так как он имеет значение «я» и «я», а «я» и «я» с помощью
предположений «я» и «я», так как «я» и «я» и «я» и «я»
и «я» и «я» и «я» и «я» и «я» и «я» и «я» и «я» -
знак «я» в данной букве (или «я») обозначен «я», «я» и «я»
знак «я» и «я» и «я» и «я».

«Литовский». Знак «я» (или «я») обозначен «я» и «я»
знак «я» и «я» и «я» и «я» - «я» обозначен «я» и «я» и «я»
а «я» и «я» и «я» и «я». Знак «я» и «я» (в данной букве) обозначен
«я» и «я» и «я» и «я».

«Литовский». Знак «я» обозначен «я» и «я» и «я» и «я»
и «я» и «я» и «я» и «я».

«Литовский». Знак «я» и «я» и «я» и «я» и «я» и «я»
знак «я» и «я» -

1) Не рассчитывая на понимание этого знака «я» и «я»
вот от «я» и «я» и «я» и «я»:

- 1) «Литовский» так «я» обозначен «я» и «я» и «я» и «я»
- 2) «Литовский» так «я» обозначен «я» и «я» и «я» и «я»

Первая страница письменного ответа Н. В. Крушевского на магистерском экзамене в Казанском университете 10 апреля 1880 года. Национальный архив Республики Татарстан, ф. 977 Историко-филологический факультет, 1160, л. 13.

Стремясь сделать свои идеи доступными для европейских ученых, Н. В. Крушевский переработал введение магистерской диссертации и издал книгу «О чередовании звуков» за собственный счет на немецком языке (Kruszewski 1881)³. Рассматривая примеры ассимиляции, привел пример спряжения украинского глагола «могти», в написании которого для удобства восприятия немецкоязычного читателя использовал латиницу (Kruszewski 1881: 24–25).

Реально воспринимая ситуацию, в которой он оказался, 6(18) мая 1884 года доверительно сообщал Яну Карловичу: «...обстоятельства заставляют нас ради хлеба писать по-русски, для науки надо по-немецки» (Пахолок 2000: 228).

В opus magna «Очерк науки о языке» Н. В. Крушевский, рассматривая структуру языка, законы по которым он развивается, не обходит вниманием украинский языковой материал, особенно по исторической фонетике.

Анализируя в докторской диссертации склонение слова *волк*, обратил внимание на то, что не всегда падежные формы имели одно и то же сочетание звуков в корне. В подтверждение этого вывода предложил две формы из старославянского языка и украинского: «...в ближайшем родственном великорусскому наречию наречии малорусском встречаем сочетание *воук*-рядом с *воуц*'- ...» (Крушевский 1883: 109).

Диссертант охарактеризовал систему спряжений основы с заднеязычными *пеку*, *могу* и пришел к выводу, основываясь на говоре Волынской губернии, что в украинском языке, действует упрощение аналогично санскриту, словенскому и сербскому языкам (Крушевский 1883: 111).

Н. В. Крушевский исходил из убеждения, что в языке действует процесс упорядочения систем, поэтому, рассматривая разные формы основ, выделил три типа: неупорядоченные; находящиеся на пути к упорядочению и упорядоченные. К первому типу отнес примеры из польского и украинского (*ноґа*, *ноґи*, *нози*, *ноґу*, *ноґою*, *у нози*) языков (Крушевский 1883: 111–112).

В разделе «История слов» среди русских, французских примеров исследователь привел по одному примеру из латинского (*sumpsi*) и украинского (*павук*) языков, в которых фонетическим путем возникли вторичные звуки (Крушевский 1883: 126) и обратил внимание на изменение звуков в постоянно воспроизводимых словах «малорусское *підлеб'єньне* (небо) ср. польское *podniebienie*» (Крушевский 1883: 128).

---

³ Считаю, что в этом переводе сказалась его генетическая связь с матерью, архивные сведения о которой скудны и не позволяют больше говорить о ее роли в жизни лингвиста.

5. ВЫВОДЫ

Таким образом, можем подытожить изложенное выше. Н. В. Крушевский родился в польско-немецкой семье на Волыни, где коренное украиноязычное население составляло большинство. В этом крае формировался как личность, получил начальное образование, считал его родным. Позднее, в далекой Казани, мечтал найти работу поближе к дому, неоднократно приезжал летом с семьей на отдых в имение матери.

Во второй половине XIX века украинская школа, пресса, научная литература, театр оказались под запретом на основании Валуевского циркуляра и Эмского указа. Украинский язык не имел статуса государственного, поэтому не преподавался в учебных заведениях. Знание этого языка у Н. В. Крушевского вначале было фоновым.

Украина в то время называлась Малороссией. Дискуссионным был вопрос, является ли украинский язык самостоятельным или это диалект русского языка. Наиболее распространенными были термины «малороссийское наречие» и «малорусское наречие». Крушевский пользовался этими терминами.

Ученый применил знания украинского языка и культуры с научной целью. В студенческом сочинении «Заговоры как вид русской народной поэзии» он ссылаясь на украиноязычные труды, использовал топонимы «Малороссия» и «Волынская губерния», включил три поверья, собранные им в деревне Солотвин.

В Казани Н. В. Крушевский изучал фонетические и морфологические особенности украинского языка, с этой целью перевел литовскую сказку «Кто сумеет лучше лгать?» на известный ему говор Солотвино.

Интерес лингвиста к украинскому языку разделяли и поддерживали его наставники М. А. Колосов и И. А. Бодуэн де Куртенэ, поэтому Н. В. Крушевский использовал украинский контент в своих исследованиях, а на магистерском экзамене выполнил задания по украинскому художественному тексту.

В работах «Об “анalogии” и “народной этимологии” (“Volksetymologie”», «К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма», “Üeber die Lautabwechslung”, «Очерк науки о языке» Н. В. Крушевский привлекал среди примеров из древнегреческого, латинского, польского, русского, санскрита, сербского, словенского, французского, чешского языков украинскую лексику для иллюстрации размышлений и выводов по словообразованию и фонетике, этимологии. Украинские примеры немногочисленны, часто сопровождаются указанием на хорошо известный автору регион функционирования.

Украинский контент в исследованиях Н. В. Крушевского свидетельствует о лингвистической эрудиции автора и желании, раскрыв потенциал негосударственного языка, поставить его вровень с другими индоевропейскими языками.

ЛИТЕРАТУРА

Baudouin de Courtenay Jan 1884: *Übersicht der slavischen Sprachenwelt im Zusammenhange mit den andern arioeuropaischen (indogermanischen) Sprachen*, Leipzig: T. O. Weigel.

Baudouin de Courtenay Jan 1888: Mikołaj Kruszewski, ego życie i prace naukowe. – *Prace filologiczne* 2(3), 837–849.

Baudouin de Courtenay Jan 1889: Mikołaj Kruszewski, ego życie i prace naukowe. – *Prace filologiczne* 3(1), 116–175.

Boduen de Kurtene Ivan 1880: Бодуэн де Куртенэ, Иван. *Задачи для письменных ответов Н. В. Крушевского по сравнительной грамматике ариоевропейских языков и по санскриту* [Zadachi dlya pismennikh otvetov N. V. Krushevskogo po sravnitel'noi grammatike arioeuropeiskikh yazykov i po sanskritu]. Национальный архив Республики Татарстан. – ф. 977 Историко-филологический факультет, 1160, л. 11–12 об. [Natsionalnyi arkhiv Respubliki Tatarstan. – f. 977 Istoriko-filologicheskii fakultet, 1160, l. 11–12 ob.].

Boduen de Kurtene Ivan 1881: Бодуэн де Куртенэ, Иван. Несколько слов о сравнительной грамматике индоевропейских языков [Neskol'ko slov o sravnitel'noi grammatike indoeuropeiskikh iazykov]. – *Журнал Министерства народного просвещения* [Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia] 213, 269–321.

Boduen de Kurtene Ivan 1881a: Бодуэн де Куртенэ, Иван. *Письмо А. А. Котляревскому 7(19) мая 1881 года* [Pis'mo A. A. Kotliarevskomu 7(19) maia 1881 goda], РНБ ОР. – ф. 386, № 19, л. 4–4 об. [RNB OR. – f. 386, № 19, l. 4–4 ob.].

Boduen de Kurtene Ivan 1963: Бодуэн де Куртенэ, Иван. Николай Крушевский, его жизнь и научные труды. Бодуэн де Куртенэ И. А. [Nikolai Krushevskii, ego zhizn' i nauchnye trudy. Boduen de Kurtene I. A.] – *Избранные труды по общему языкознанию* [Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiu] 1, Москва: Издательство АН СССР [Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR] 1, 146–202.

Bogoroditskii Vasilii A. 1939: Богородицкий, Василий А. Казанская лингвистическая школа (1878–1939 гг.) [Kazanskaia lingvisticheskaiia shkola (1878–1939 gg.)]. – *Труды Московского института истории, философии и литературы* [Trudy Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury] 5, 265–294.

Bulich Sergei K. 1896: Булич, Сергей К. Малорусское наречие [Malorusskoe narechie]. – *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона* [Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona] 18-A, 485–487.

Cherepanov Mikhail V. 1958: Черепанов, Михаил В. Вопросы фонетики в трудах Н. В. Крушевского: из истории Казанской лингвистической школы [Voprosy fonetiki v trudakh N. V. Krushevskogo: iz istorii Kazanskoi lingvisticheskoi shkoly]. – *Ученые записки Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко* [Uchenye zapiski Glazovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. V. G. Korolenko] 7, 27–67.

Chubinskii Pavel P. 1872: Чубинский, Павел П. *Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край* [Trudy etnograficheskoi statisticheskoi ekspeditsii v Zapadno-Russkii kraj] 1, Санкт-Петербург: [б. и.] [Sankt-Peterburg: [b. i.]].

Efimenko Petr S. 1874: Ефименко, Петр С. Сборник малороссийских заклинаний [Sbornik malorossiyskih zaklinaniy]. – *Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете* [Chteniya v Imperatorskom Obschestve Istorii i Drevnostey Rossiyskih pri Moskovskom universitete] 1, 1–70.

Jakobson Roman 1960: Kazańska szkoła polskiej lingwistyki i jej miejsce w światowym rozwoju fonologii. – *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego* 19, 1–34.

Jakobson Roman 1965: L'importanza di Kruszewski per lo sviluppo della linguistica generale. – *Ricerche Slavistiche* 13, 3–23.

Katkov Mikhail N. 1863: Катков, Михаил Н. Передовая статья [Peredovaia statia]. – *Московские ведомости* [Moskovskie vedomosti] 136, 326–330.

Kolosov Mitrofan A. 1871: Колосов, Митрофан А. Вступительная лекция [Vstupitel'naya leksiya]. – *Варшавские университетские известия* [Varshavskie universitetskie izvestiya] 4, 236–251.

Kostomarov Nikolai I. 1990: Костомаров, Николай И. Правы ли наши обвинители? (По вопросу об издании книг научного содержания на южнорусском языке) [Pravy li nashi obviniteli? (Po voprosu ob izdanii knig nauchnogo soderzhaniia na iuzhnorusskom iazyke)]. – *Український історичний журнал* [Ukrainskyi istorychnyi zhurnal] 7, 140–146.

Kraszewski Józef 1978: *Latarnia czarnoksiężska. Obrazy naszych czasów*, Krakow: Wydawnictwo Literackie.

Krushevskii Nikolai V. 1876: Крушевский, Николай В. Заговоры как вид русской народной поэзии [Zagovory kak vid russkoi narodnoi poezii]. – *Варшавские университетские известия* [Varshavskie universitetskie izvestiya] 3, 3–69.

Krushevskii Nikolai V. 1879: Крушевский, Николай В. Об «аналогии» и «народной этимологии» («Volksotymologie») [Ob «analogii» i «narodnoi etimologii» («Volksotymologie»)]. – *Русский филологический вестник* [Russkii filologicheskii vestnik] 2(3), 109–120.

Krushevskii Nikolai V. 1880: Крушевский Николай В. *Письменный ответ по сравнительной грамматике ариевропейских языков* [Pismennyi otvet po sravnitelnoi grammatike arievropeiskikh yazykov]. Национальный архив Республики Татарстан. – ф. 977 Историко-филологический факультет, 1160, л. 13–15 [Natsionalnyi arkhiv Respubliki Tatarstan. – f. 977 Istoriko-filologicheskii fakultet, 1160, l. 13–15].

Krushevskii Nikolai V. 1881: Крушевский, Николай В. К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма [K voprosu o gune. Issledovanie v oblasti staroslavianskogo vokalizma]. – *Русский филологический вестник* [Russkii filologicheskii vestnik] 5, 1–109.

Krushevskii Nikolai V. 1882: Крушевский, Николай В. Отчет о занятиях сравнительным языкознанием Н. Крушевского за время от 15 декабря 1878 г. по 1 октября 1879 г. [Otchet o zaniatiiakh sravnitel'num iazykoznaniiem N. Krushevskogo za vremia ot 15 dekabria 1878 g. po 1 oktiabria 1879 g.] – *Известия и ученые записки Императорского Казанского университета* [Izvestiya i uchenye zapiski Imperatorskogo Kazanskogo universiteta] 1/2, 32–36.

Krushevskii Nikolai V. 1883: Крушевский, Николай В. *Очерк науки о языке* [Ocherk nauki o iazyke], Казань: Типография Императорского Казанского университета [Kazan': Tipografiia Imperatorskogo universiteta].

Krushevskii Mikolai V. 2002: Крушевський, Миколай В. *Замовляння як вид російської народної поезії* [Zamovliannia yak vyd rosiiskoi narodnoi poezii], Луцьк: Вісник і К^о [Lutsk: Visnyk i K^o].

Krushevskii Mikolai V. 2004: Крушевський, Миколай В. *Вісім гімнів Рігведи* [Visim himniv Rihvedy], Луцьк: Терен [Lutsk: Teren].

Krushevskii Mikolai V. 2005: Крушевський, Миколай В. *Бібліографічний покажчик* [Bibliohrafichnyi pokazhchuk], Луцьк: Терен [Lutsk: Teren].

Kruszewski Nikolay 1881: *Üeber die Lautabwechslung*, Kasan: Universitätsbuchdruckerei.

Lyzanchuk Vasyly' V. 2008: Лизанчук, Василь В. Хроніка нищення українства: мови, культури, духовності [Khronika nyshchennia ukrainstva: movy, kultury, dukhovnosti]. – *Мандрівець* [Mandrivets] 6, 4–24.

Maikov Leonid N. 1869: Майков, Леонид Н. Великорусские заклинания [Velikorusskie zaklinaniia]. – *Записки Императорского Русского Общества по отделению этнографии* [Zapiski Imperatorskogo Russkogo Obshchestva po otdeleniiu etnografii] 2, 417–580.

Pakholok Zinaida A. 1999: Пахолок, Зинаида А. Плоды забвения, или Кто зажжет свечу?: письма Н. В. Крушевского И. В. Цветаеву [Plody zabveniia, ili Kto zazhzhel svechu?: pis'ma N. V. Krushevskogo I. V. Tsvetaevu]. – *Русский Исторический Вестник* [Russkii Istoricheskii Vestnik] 2, 159–182.

Pakholok Zinaida A. 2000: Пахолок, Зинаида А. Письма Николая Крушевского к Яну Карловичу [Pis'ma Nikolaia Krushevskogo k Ianu Karlovichu]. – *Русский Исторический Вестник* [Russkii Istoricheskii Vestnik] 3, 221–232.

Pakholok Zinaida A. 2002: Пахолок, Зинаида А. *Дебют видатного лінгвіста. Крушевський М. Замовляння як вид російської народної поезії* [Debiut vydatnogo lingvista. Krushevsky M. Zamovliannia yak vyd rosiiskoi narodnoi poezii], Луцьк: Вісник і К^о, VII–XXXV [Lutsk: Visnyk i K^o, VII–XXXV].

Pakholok Zinaida A. 2019: Пахолок, Зинаида А. Дослідження та популяризація творчості мовознавця з Волині Миколая Крушевського [Doslidzhennia ta populiaryzatsiia tvorchosti movoznavtsia z Volyni Mykolaia Krushevskoho]. – *Краєзнавство* [Kraieznavstvo] 4, 116–132.

Pryshchera Olena P. 2010: Прищепя, Олена П. *Міста Волині у другій половині XIX – на початку XX ст.* [Mista Volyni u druhii polovyni XIX – na pochatku XX st.], Рівне: ПП ДМ [Rivne: PP DM].

Radwańska Williams Joanna 1993: *A paradigm lost: the linguistic theory of Mikolaj Kruszewski*, Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Storozhenko Oleksa P. 1863: Стороженко, Олекса П. *Українські оповідання* [Ukrainski opovidannia] 1, Санкт-Петербург: Типографія П. А. Кулиша [Sankt-Peterburg: Typografyia P. A. Kulysha], 131–137.

Vayl Petr 2008: Вайль, Петр. *Гений места* [Geniy mesta], Москва: КоЛибри [Moskva: KoLibri].

Zelinskii Faddei F. 1897: Зелинский, Фаддей Ф. О заговорах: история развития заговора и главные его формальные черты [O zagovorakh: istoriya razvitiya zagovora i glavnye ego formalnye cherty]. – *Сборник Харьковского историко-филологического общества* [Sbornik Kharkovskogo istoriko-filologicheskogo obshchestva] 10, 1–58.

Ukrainiečių kalbos formavimasis Mikolajaus Kruševskio moksliniame palikime

SANTRAUKA

Straipsnyje analizuojami Mikolajaus Kruševskio mokslinio palikimo darbai, skirti ukrainiečių kalbai. Šie darbai tiriami trimis aspektais: biografiniu, socialiniu ir moksliniu. Lingvistas gimė Voluinėje lenko ir vokiečių šeimoje, kur daugumą sudarė vietinė ukrainiečių populiacija. Jo asmenybė formavosi šiame regione. Voluinę jis laikė savo gimtine. Vėliau, jau dirbdamas tolimojoje Kazanėje, kartu su šeima jis nuolat grįždavo vasaroti į Voluinėje likusius motinos namus.

Tuo metu Ukraina neturėjo valstybingumo statuso. Šalis buvo vadinama Mažąja Rusija. Buvo diskutuojama, ar ukrainiečių kalba yra nepriklausoma kalba, ar rusų kalbos tarmė. Dažniausiai vartoti terminai buvo *Mažosios Rusijos tarmė* ir *Mažosios Rusijos tarmė*. M. Kruševskis taip pat vartojo šiuos terminus.

Mokslininkas pritaikė ukrainiečių kalbos ir kultūros žinias mokslo tikslams. Savo studentiškoje esė *Užkalbėjimai kaip rusų liaudies poezijos forma* jis rėmėsi ukrainiečių kalbos darbais, vartojo toponimus *Mažoji Rusija* ir *Voluinės provincija* ir aptarė Solotvyno kaime paties surinktus žmonių tikėjimus. Gyvendamas Kazanėje, M. Kruševskis studijavo fonetinius ir morfologinius ukrainiečių kalbos požymius. Šiuo tikslu į Solotvyno tarmę jis išvertė lietuvių liaudies pasaką *Kas moka geriau meluoti*. Magistrantūros egzamino metu jis turėjo atlikti aštuonias Jano Bodueno de Kurtenė jam duotas užduotis apie apsakymą ukrainiečių kalba. M. Kruševskis rėmėsi ukrainiečių kalbos žodynu, iliustruodamas savo įžvalgas ir išvadas žodžių darybos ir fonetikos srityje, kurias aptarė savo darbuose *Apie analogiją, Liaudies etimologija, Gunos klausimu: Senųjų slavų vokalizmo tyrinėjimai, Apie garsų kaitą, Kalbotyros apybraiža*.

Ukrainietiškas turinys Mikolajaus Kruševskio tyrimuose liudija autoriaus kalbinę erudiciją ir troškimą atskleisti šios nevalstybinės kalbos potencialą, paverčiant ją lygiaverte kitoms indoeuropiečių kalboms.

Įteikta 2021 m. gruodžio 24 d.

ZINAIDA PAKHOLOK

Lutsk Human Development Institute

of the Open International University "Ukraine"

43020, Ukraine, Lutsk

5, G. Gongadze Str.

paholok@ukr.net